

ПОНЯТИЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ И НАПРАВЛЕНИЯ ЕЁ ИЗУЧЕНИЯ

Статья посвящена истории и современным направлениям исследования концепта и термина «языковая личность».

Ключевые слова: языковая личность, картина мира, индивидуальное и коллективное сознание.

Федотова М.А. Поняття мовної особистості та напрями її вивчення. *Статтю присвячено історії та сучасним напрямкам вивчення концепту і терміна «мова особистість».*

Ключові слова: мовна особистість картина світу, індивідуальна та колективна свідомість.

Fedotova M.A. The notion «homo lingualis» and directions of its researching. *The article analyzes the history and contemporary directions of researching the concept «homo lingualis».*

Key words: homo lingualis, picture of the world, individual and collective mind.

«Целостное учение о языке всегда будет выглядеть энциклопедично <...>. Любой дискурс самореферентен, т.е. он развивается в рамках постоянной отсылки к условиям собственной возможности. Нельзя использовать язык (говорить, познавать, убеждать, доказывать и пр.), не осознавая соответствующей способности или возможности языка (быть речью, орудием познания, логикой или риторикой)» [14, 13], т.е. не сопрягая понятий «язык» и «человек», во все времена актуальных для лингвистики. Во второй половине XX века обозначился явственный поворот логической мысли от классической логики, с центральной для нее категорией истинности, к системам неклассических (в том числе философских) логик и задачам выявления внутренних закономерностей развития языка, что, в свою очередь, способствовало переходу лингвистики от преимущественного интереса к минимальным (эмическим) лингвистическим единицам, к «максимуму» – тексту, дискурсу, рассматриваемому в его взаимодействии с прагматическими факторами. Изменение объема и самого качества изучаемого материала и в логике и в лингвистике имеет один источник – введение в фокус рассмотрения феномена жизни, в центре которой находится человек, со всеми его «психическими» составляющими и состояниями, формами социального существования и культурной деятельности. Иными словами, лингвистическая парадигма последних десятилетий имеет ярко выраженный антропоцентрический характер.

Проблема «человек и язык» всегда привлекала внимание широкого круга ученых-гуманитариев, выступая преимущественно в различных парах – «язык и мышление», «язык и общество», «язык и текст/дискурс» и др. По

мере свого розвитку эти пары составили отдельные области языкознания, сформированные на стыке двух наук. Поэтому они обозначались сложными словами или словосочетаниями: психолингвистика, социолингвистика, этнолингвистика, лингвопоэтика, лингводидактика, лингвистика текста, когнитивная лингвистика, и т.д. В каждой из них, естественно, присутствует человек, однако, он представлен прежде всего как составная огромного целого (человечества, этноса, социального слоя), а не как конкретный носитель языка.

Интерес к языковой личности как к отправному пункту, двигателю и центру языкового развития особенно отчетливо проявился во второй половине XX века. Во главу угла ставится **языковая личность**, т.е. носитель и пользователь языка, исследуется природа, структура и функции индивидуума в процессах концептуализации мира, вербализации последней, неразрывности процессов когниции/отражения картины мира в **речезыковой ментальности** индивидуума [6; 7; 9; 15].

В XX веке лингвистика испытывала неоднократные методологические перевороты и сменила несколько парадигм, перейдя от сравнительно-исторической, через системно-структурную (таксономическую), к коммуникативно-функциональной и когнитивной. Последняя представляет собой «полипарадигмальную науку, которая унаследовала языковедческие достижения своих предшественников и концентрируется на доказательстве тезиса о том, что языковая способность личности является составной ее когнитивной способности» [8, 7].

В центре внимания лингвистических исследований оказываются проблемы взаимодействия коммуникативного и когнитивного компонентов речемыслительного процесса. Фактором, их объединяющим, является их антропоцентрическая направленность, т.к. именно человек как сущность, способная систематизировать объекты окружающей действительности, в обязательном порядке определенным образом структурирует свою концептуальную картину мира, фиксирует полученные результаты в виде различных знаний. Языковая личность, таким образом, это субъект концептуализации, «носитель языкового сознания, т.е. человек, существующий в языковом пространстве – в общении, в стереотипах поведения, зафиксированных в языке, в значениях языковых единиц и смысловых текстов» [6, 7].

Подходы к инструментарию, которым пользуется носитель языкового сознания концептуализируя окружающий мир, разделили лингвистическое сообщество на «имажистов», которые усматривают возможности и основания концептуализации в зрительных и прочих образах (images) и «пропозиционалистов», отстаивающих «пропозицию как основу концептуализации» [17, 3]. По-видимому, истина лежит посередине, ибо концепты разной степени абстрактности предположительно должны формироваться разными когнитивными путями. Концептосфера человека – это совокупность ментальных репрезентаций разного типа, его «информационный тезаурус, т.е. полный объем хранимых памятью человека энциклопедических и языковых знаний, сопровождаемых эмоциональными впечатлениями и накладываемых на имеющиеся знания выработанной в социуме системой норм и

оценок» [5, 169]. Средство доступа к нему – ментальный лексикон, который рассматривается как «глубинная когнитивная система, представляющая собой один из важнейших механизмов когнитивной переработки информации» [16, 150].

Исходя из индивидуальности восприятия и, следовательно, отражения и членения мира, ментальный лексикон и – шире – концептосфера каждого индивидуума уникальна, ибо существенную роль в ее формировании играет субъективный фактор. Действительно, «познавательный акт как некоторый фрагмент мыслительной деятельности человека уже по своей природе содержит так называемый оценочный момент <...>, оценка содержится <...> повсюду, где происходит какое бы то ни было соприкосновение субъекта познания с объективным миром» [12, 88]. Однако, объем концептуальной структуры все еще дискутируется: носит ли она универсальный, культурно-вариабельный или индивидуально-вариабельный характер [16, 4]. Представляется, однако, что истинное положение дел включает все три в качестве элементов концептосферы отдельной личности.

Основоположителем представлений об индивидуальном характере владения языком принято считать В. Гумбольдта, который утверждал: «будучи творением наций, <...> языки остаются, однако, созданиями индивидов, поскольку могут быть порождены каждым отдельным человеком, причем только тогда, когда каждый полагается на понимание всех, а остальные оправдывают его ожидания» [4, 66]. Связь языка и владеющего им индивидуума имеет двусторонний характер: «так как восприятие и деятельность человека зависят от его представлений, то его отношение к предметам целиком обусловлено языком. Тем же самым актом, посредством которого он из себя создает язык, человек отдает себя в его власть; каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, из пределов которого можно выйти только в том случае, если вступаешь в другой круг» [там же, 135].

В русском языкознании о превалировании индивидуального в языковом сознании писал в начале XX в. Бодуэн де Куртене, по словам которого «язык существует только в индивидуальных мозгах, только в душах, только в психике индивидов или особей, составляющих данное языковое общество» [1, 35]. В 30-е годы обращение к исследованию языковой личности связано с именем В.В. Виноградова, выработавшего на материале художественной литературы пути описания языковой личности автора и персонажа. Сам термин был впервые употреблен в публикации В.В. Виноградова «О художественной прозе» [2].

В многочисленных трактовках языковой личности, появившихся в 80-90-е гг. XX века, представлены два магистральных направления, различающихся путями ее описания. Это:

- лингводидактика
- лингвокультурология.

В лингводидактике в центре внимания находится индивидуум как совокупность речевых способностей. В лингвокультурологии предметом исследования становится «национально-культурный прототип носителя опре-

деленного языка» [3]. Иными словами, «языковая личность существует в пространстве культуры, отраженной в языке в формах общественного сознания на разных уровнях (научном, бытовом и др.), в поведенческих стереотипах и нормах, в предметах материальной культуры и т.д. Определяющая роль в культуре принадлежит ценностям нации, которые являются концептами смыслов» [11, 118 – 119].

Таким образом, если в первом случае языковая личность представляется совокупностью характеристик, в которых каждый индивид воплощается в языке, то во втором – совокупностью индивидов составляющих языковое сообщество.

Лингвокультурология как область лингвистических исследований сложилась также в конце 70-х гг. прошлого столетия. В числе ее исходных приоритетов было решение прагматической задачи представления данных о стране и культуре изучаемого языка студентам-филологам и переводчикам. Предметом лингвокультурологии является связь «язык – культура – этнос», ибо человек всегда вписан в культуру – «чистого», идеального «человека говорящего» быть не может: субъект коммуникации всегда есть и субъект языка, и субъект культуры, понимаемой как мировоззрение, мироощущение и миропонимание народа. Лингвокультура – это культура оязыковленная, овнешненная в знаках языка, которые и являются телами знаков культуры [13, 118–128].

В лингвокультурологии сложилось несколько различающихся подходами направлений – диахронический/синхронный; моноэтнический/полиэтнический; функционально-прагматический/сравнительно-исторический, исследуемым материалом и финальными целями. При этом все они исследуют *homo loquens* – человека говорящего, языковую (лингво-культурную) личность. Понятие языковой личности образовано проекцией в область языкознания соответствующего междисциплинарного термина, в значении которого преломляются философские, социологические и психологические взгляды на общественно значимую совокупность физических и духовных свойств человека, составляющих его качественную определенность.

«Языковая личность» была введена в широкий научный обиход Ю.Н. Карауловым вместе с ее уровневой моделью. И термин, и концепт оказались востребованными всеми школами – как теми, которые рассматривают ее как «многослойную и многокомпонентную парадигму речевых личностей» [11, 117], так и теми, кто видит в ней «закрепленный в языке (преимущественно в лексике и синтаксисе) базовый национально-культурный прототип носителя определенного языка, составляющий вневременную и инвариантную часть структуры личности» [там же, 120].

Подобное единодушие обусловило возможность изучения языковой личности с различной степенью обобщения, что, в свою очередь, предопределило развитие исследований ее структуры по пути построения разноаспектных моделей. Так, на сегодняшний день существует множество аспектов изучения языковой личности, определяющих различные статусы ее существования: полилектная (многочеловеческая) и идиолектная (частночеловеческая) личности, этносемантическая личность, элитарная язы-

ковая личность, семиологическая личность, русская языковая личность, языковая личность и речевая личность, языковая личность западной и восточной культур, словарная языковая личность, языковая личность «средневекового человека» и пр. Языковое сознание личности воплощается в речевой деятельности, (речевом поведении), т. е. в процессах говорения (письма) и понимания. Речевая деятельность осуществляется индивидуумом и обусловлена его социальной, психологической и физиологической организацией. Речевая деятельность и речевая организация человека тесно взаимосвязаны, но при этом могут быть противопоставлены как явление и сущность [6, 7].

В речевой организации языковой личности можно выделить следующие аспекты:

- языковая способность;
- коммуникативная потребность;
- коммуникативная компетенция;
- языковое сознание;
- речевое поведение.

Языковая способность как органическая возможность научиться вести речевое общение, наряду с коммуникативной потребностью как направленностью на определенного адресата, выступает в качестве предпосылки для возможного овладения языком и осуществления общения, в то время как коммуникативная компетенция, являясь выработанным умением осуществлять общение в различных регистрах для оптимального достижения цели, проявляет себя как языковое сознание в выборе средств общения.

Большинство современных исследователей полагают, что именно языковое сознание является важнейшим компонентом речевой организации языковой личности. При этом противопоставляются два различных типа ментальных образований: знания и представления. Первые, вслед за основоположником логической семантики Готлобом Фреге, рассматриваются как относительно стабильные, объективные и коллективные информационные единицы, характерные для подавляющего большинства человеческих сообществ; вторые относятся к лабильным, субъективным и индивидуальным сущностям, включающим собственно представления, образы, понятия, а также связанные с ними коннотации, оценки, эмоции и впечатления [10, 56].

Таким образом, помимо уникального индивидуального набора знаний и представлений, человек обладает знаниями и представлениями универсального характера, а также такими, которые получены им в результате его деятельности как представителя конкретного социума и конкретной нации. Иными словами, основные параметры структуры языковой личности представлены тремя компонентами, отражающими индивидуальный характер когнитивных процессов, с одной стороны, и вхождение индивидуума в социальные (профессиональные, этнические, религиозные) сообщества, а также его принадлежность к *homo sapiens* и связанную с этим общность определенных концептов у всего человечества, с другой. Таким образом, языковое сознание личности формируется из индивидуального когнитив-

ного пространства, глобального (універсального) і двох підвидів групових пространств – етнічного і соціального, с пріоритетним положенням двох останніх.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. – М.: АН СССР, 1963. – Т.1 – 384 с.
2. Виноградов В.В. *О художественной прозе*. – М., Л.: Госиздат, 1959. – 654 с.
3. Виноградов В.С. Введение в переводоведение. – М.: Изд-во ин-та общего и среднего образования РАО, 2001, – 224 с.
4. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию.– М.: Прогресс, 2000. – 400 с.
5. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. – М.: Росийск. гос. гуманит. ун-т, 2000. – 382 с.
6. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М: Гнозис, 2004. – 390 с.
7. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – 4-е изд., стереотип. – М.: УРСС, 2004. – 264 с.
8. Кочерган М.П. Стан і перспективи сучасного мовознавства // Вісник Київського лінгвістичного університету. – Серія філологія, 2003. – т. 6. – № 1. – С. 5–18.
9. Красных В.В. Система координат линвокультуры сквозь призму homo loquens // Язык. Сознание. Культура: Сб. ст. / Под ред. Н.В. Уфимцевой, Т.Н. Ушаковой. – М.–Калуга: ИП Кошелов (Изд-во «Эйдос»), 2005. – С. 61–69.
10. Леонтьев А.А. Смысл как психологическое понятие // Психологические и психолингвистические проблемы владения и овладения языком. – М.: Наука, 1969. – С. 56–66.
11. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
12. Мягкова Е.Ю. Эмоциональная нагрузка слова и ее проявление в материалах ассоциативного эксперимента // Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики. – Калинин: КГУ, 1981. – С. 86–93.
13. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический, лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
14. Ячин С.Е. Слово и феномен. – М.: Смысл, 2006. – 138 с.
15. Nowak E. Sprache und Individualität. Die Bedeutung Individueller Rede für die Sprachwissenschaft. – Tübingen, 1983. – 82 s.
16. Osgood Ch. E. Toward an Abstract Performance Grammar // Talking Minds: The Study of Language in Cognitive Science. – Cambr., Mass., 1984. – P. 147–179.
17. Pederson E., J Nuits. Overview: on the Relationship Between Language and Conceptualization // Language and Conceptualization / Ed. by J. Nuits and E. Pederson. – Cambridge UP, 1999. – P. 1–12.

Стаття надійшла до редакції 15.10.2013 р.